

АНАЛИТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

ГОВОРИ НА НОРМАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

Дискриминация по признаку
языка в местах несвободы
в Беларуси

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОМИТЕТ
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ПЫТОК В БЕЛАРУСИ

Сентябрь 2026 г.

Беларусский язык — государственный язык Республики Беларусь наравне с русским. Тем не менее свидетельства, задокументированные **Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси** (далее — Комитет) и правозащитным центром «Весна», показывают: в местах несвободы использование белорусского языка систематически воспринимается представителями государства как маркер политической нелояльности и влечет за собой ухудшение обращения — от насмешек и оскорблений до избиений, помещения в штрафной изолятор (ШИЗО) и лишения свиданий, звонков и передач.

Комитет задокументировал 2 000 свидетельств лиц, переживших политически мотивированные задержания и лишение свободы. Для данного материала мы проанализировали двадцать свидетельств, в которых содержатся рассказы о давлении, унижениях, угрозах или насилии, связанных именно с использованием белорусского языка на этапах задержания, допроса, суда и отбывания наказания. Эти свидетельства подкрепляются данными Правозащитного центра «Весна», **PEN Belarus**, а также выводами **Спецдокладчика ООН по ситуации с правами человека в Беларуси**, который в июне 2026 года констатировал, что репрессии в Беларуси «охватывают культурную жизнь, образование, язык, исторические нарративы и саму идентичность».

1. ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ

Эмпирическую основу материала составляют свидетельства, задокументированные Комитетом. Свидетельства собраны методом углубленных интервью с информированного согласия респондентов и анонимизированы. Цитаты приводятся на языке оригинала с сохранением лексики рассказчиков.

Выборка Комитета не является репрезентативной в статистическом смысле — она формируется из доступных для интервьюирования пострадавших, преимущественно покинувших Беларусь. Свидетельства отражают период 2020–2025 годов; доступ к актуальной информации из мест лишения свободы затруднен и данные поступают с задержкой. Вместе с тем совпадение паттернов в независимых массивах данных (Комитет, «Весна», PEN Belarus) повышает достоверность выводов.

2. КОНТЕКСТ: ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛАРУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ПОЛИТИЗАЦИЯ

Согласно [статье 17 Конституции Республики Беларусь](#), государственными языками являются белорусский и русский; [статья 50](#) гарантирует каждому право пользоваться родным языком и выбирать язык общения. Фактически же русский язык доминирует во всех сферах публичной жизни, а белорусский включен ЮНЕСКО в список уязвимых языков.

Количественные параметры этой асимметрии зафиксированы в докладе Спецдокладчика ООН по Беларуси Нилса Муйжниекса, [представленном Совету по правам человека в июне 2026 года](#):

На **беларусском языке**
опубликованы

3 из
3 044

нормативных правовых
актов (0,1%)

В 2024 году книги на **беларусском**
составили

На **беларусском** вещает

государственных телеканалов и

национальных радиостанций.

Менее 1 из 10 школьников
реально учится по-беларусски

В Минске в 2024 году
беларусскоязычными были

17 **первых классов**
из **860**

Полный цикл высшего образования на
беларусском языке **НЕДОСТУПЕН.**

После 2020 года языковая асимметрия приобрела новое качество: белорусский язык стал считаться властью как политический знак. Спецдокладчик констатирует, что беларусская культурная и национальная идентичность **все чаще рассматривается как признак политической оппозиционности**. Восприятие этого сдвига на бытовом уровне отражено и в свидетельствах Комитета:

«Говорить в публичных местах по-беларуски после 20 года перестало ощущаться как что-то безопасное. [...] Когда я шла по улице с подругой и мы говорили по-беларуски, и если мы видели там милиционеров, мы замолкали и проходили мимо, и только потом возобновляли разговор, хотя мы не говорили на политические темы».

Одновременно язык политизировался и «снизу»: для части общества и политзаключенных переход на белорусский стал жестом гражданской позиции — «языком как протестом», по формуле, зафиксированной [«Весной»](#). Эта двусторонняя политизация — ключ к пониманию того, почему именно в местах несвободы, точке максимальной асимметрии власти, языковой конфликт проявляется в наиболее концентрированной форме.

3. НОРМАТИВНАЯ РАМКА: РАЗРЫВ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПРАКТИКОЙ

Описываемые в материале практики не имеют опоры в белорусском законодательстве — напротив, противоречат ему. Закон «О языках в Республике Беларусь» закрепляет право граждан обращаться в государственные органы на любом из двух государственных языков. [Статья 10 Уголовно-исполнительного кодекса](#) прямо предусматривает право осужденных давать объяснения, вести переписку, обращаться с заявлениями и жалобами на белорусском, русском или ином языке; ответ дается на языке обращения. Уголовно-процессуальное законодательство допускает ведение производства на белорусском или русском языке.

Международные обязательства Беларуси включают запрет дискриминации по признаку языка ([МППП](#), ст. 2, 26), права лингвистических меньшинств (ст. 27), гарантии справедливого судебного разбирательства (ст. 14), запрет жестокого и унижающего достоинство обращения (ст. 7 МППП, Конвенция против пыток), а также обязательства по [Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации](#), охватывающей дискриминацию по признаку этнического происхождения, выражением которого является язык. [Правила Нельсона Манделы](#) требуют недискриминации заключенных по признаку языка (правило 2) и доступности информации и дисциплинарных процедур на понятном заключенному языке (правила 41, 54–55).

Таким образом, предмет анализа — не пробел в регулировании, а устойчивый разрыв между формальными гарантиями двуязычия и правоприменительной практикой, в которой пользование одним из двух государственных языков может быть фактически наказуемо.

4. ТИПОЛОГИЯ ПРАКТИК: АНАЛИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВ

4.1. Насилие и угрозы при задержании и на допросах

В свидетельствах, относящихся к первым часам и дням после задержания, отказ говорить по-русски или заметная белорусскоязычность неоднократно выступали триггером насилия:

«Был один товарищ с нами задержанный, разговаривал на белорусском языке, отказывался говорить на русском. [...] В конце концов, так как он отказывался говорить по-русски, вывел его в коридор, и тоже было слышно, что несколько раз ударили».

«Он говорит: „Я по-русски не разговариваю, только по-беларуски“. — „Мы сейчас тебе покажем, что такое по-беларуски“, — и вот угрозами и так далее».

«Подходит омоновец, бьет дубинкой [...] и такой: „Ну что, [нецензурно], Жыве Беларусь?!“ Со мной же все время был разговор по-белорусски, и я этим от них отличался. [...] За спиной я услышал:

„Как я ненавижу этот язык“ [...] Я реально понял, что ко мне более жестко относятся по причине языка».

«Сказал, тот, что записывает протокол: слушай, мне уже голова болит от твоего белорусского, от твоего языка, давай по-русски. [...] И они начали доколупываться до акцента, соответственно немного побили там, угрожали там, говори по-русски, с матами».

«Я продолжал разговаривать по-беларуски, их это злило, они требовали в нецензурной форме, чтобы я разговаривал с ними по-русски. Это все сопровождалось [...] произвольными толчками, ударами».

Характерный элемент — демонстративная симуляция непонимания. Сотрудник ГУБОПиК «заставил говорить по-русски, потому что белорусский язык он типа не понимает. [...] Хотя потом я узнала, что все хорошо он понимает».

Задержанной, употребившей слова «вяселле» и «памяранцавы», сотрудники устроили издевательский спор, отказываясь верить в существование этих слов.

Один из свидетелей описывает, как задержанному, требовавшему допроса на белорусском языке, допрашивающий угрожал расправой: *«я тебя забью [...] я найду другой способ, как с тобой»*.

Аналитически значимо, что во всех приведенных случаях агрессия направлена не на содержание высказываний, а на сам факт использования языка: язык выступает достаточным основанием для выделения человека из массы задержанных и ужесточения обращения.

4.2. Язык как «оперативный признак»

Свидетельства позволяют реконструировать место языка в логике силовых структур: белорусскоязычность рассматривается как индикатор принадлежности к протестной среде. Белорусскоязычную переписку целенаправленно изучают при просмотре телефона; тот факт, что мать свидетельницы переписывается с сестрой по-беларусски, был воспринят сотрудниками как подтверждение «неблагонадежности» семьи.

Свидетель, общавшийся с силовиками по-русски, отмечает, что после просмотра его белорусскоязычных переписок сотрудник начал вставлять в разговор издевательские «Прывітанне»: *«ощущается такое пренебрежительное отношение [...] я воспринимал это как оскорбления»*.

Свидетельница делится о ГУБОПиК: *«говорят, что я должна говорить по-русски, и я каждый раз должна рассказывать, что я имею право говорить па-беларуску»*.

Эта же логика воспроизводится в пенитенциарной системе в формализованном виде (см. 4.4): показательно совпадение категорий — язык учитывается в рамках учета «склонных к экстремистской и иной деструктивной деятельности», то есть встроено в официальную номенклатуру признаков «опасности».

4.3. Язык в судебном процессе

Хотя белорусский является языком судопроизводства наравне с русским, суды отклоняют ходатайства о ведении процесса по-беларусски, а показания, данные по-беларусски, фиксируются в протоколах в неverified русском переводе:

«Ходатайство мое насчет белорусского языка отклонила эта судья. Она сказала: вы говорите как хотите, а я буду вести процесс на том языке, на котором я разговариваю. В итоге получилось так, что я говорил на белорусском, а все документы, мои слова, все записывалось на русском. И вопрос, кто как переводил и насколько юридически это можно переводом считать».

«Судья ему либо специально, либо на самом деле сказал:

„Я вас не понимаю, не могли бы вы говорить по-русски“, на что он ответил: **„Я рускай не ведаю, гэтая родная мова, на ёй я буду размаўляць, калі хочаце, перакладчыка выклікайце“**».

О степени укорененности проблемы говорит то, что риск, связанный с языком в суде, признают сами сотрудники системы: следователь советовал задержанному не говорить по-белорусски «с „вертухаями“ и во время суда, так как можно получить больший срок» («Весна»).

Часть обвиняемых отказывается от процессуальных языковых прав превентивно: «Мне сказали, что я имею право попросить на белорусском языке ведение процедуры, но я не просила, просто чтобы еще больше не бесить».

4.4. Пенитенциарные учреждения: от унижений к формализованным наказаниям

Наиболее широкий спектр практик задокументирован в изоляторах и колониях.

Вербальная агрессия и публичное унижение. Прием в Центр изоляции правонарушителей:

«Тюремщик, который меня принимал, услышав белорусский язык, стал на меня кричать, просто матом, что такие, как я, портят ему жизнь [...] он стал коверкать белорусский язык, разговаривать „нормальным“ языком, он орал матом, что такие, как я, [...] продались Европе и пиндосам. [...] Это была реакция именно на белорусский язык, больше ни на что. На остальных задержанных, которые разговаривали по-русски, такой реакции не было».

Систематическое унижение в колонии, рассчитанное на аудиторию других заключенных:

«Замначальника колонии [...] ненавидел меня лично за белорусский язык. [...] Как только он меня видел, [...] требовал от меня доклад, каждый раз кричал на меня матом. Дословная цитата: „[Нецензурно], сколько ты будешь [говорить] на своем белорусском языке, [говори] на кухне. Давай, не выделяйся, говори на нормальном языке.“ [...] Причем это все было в агрессивной форме, [...] в том числе для того, чтобы унижить меня в глазах других заключенных».

Давление через других заключенных. В женской колонии:

«Часто не сами сотрудники что-то делали по отношению к осужденным по политическим статьям, а они это делали руками других заключенных. Я сталкивалась с тем, что мне пытались запретить разговаривать на белорусском языке, кричали: „Разговаривай нормально“. [...] Они говорят: „По-русски“».

Дисциплинарные наказания. По данным «Весны», в могилевской колонии № 15 политзаключенному трижды назначали по 10 суток ШИЗО за доклад на белорусском языке, признав доклад «несделанным»; в первые 20 дней он был объявлен «злостным нарушителем» с лишением свиданий и передач.

Формализованные учеты. Бывший политзаключенный журналист **Евгений Меркис описывает** практику шкловской колонии № 17:

«Былі нават гісторыі [заклученных-неполітычных], якія пад уздзеяннем патрыятычных пачуццяў размаўлялі з супрацоўнікамі па-беларуску, і ім за гэта далі „наш“, прафілактычны ўлік № 10 як „схільным да экстрэмісцкай ды іншай дэструктыўнай дзейнасці“».

По данным **PEN Belarus**, говорящих по-беларусски заключенных ставили на профилактические учеты и угрожали карцером; освобожденная документалистка **Лариса Щиракова** свидетельствовала, что начальник колонии расценивал ее белорусский язык как попытку «подставить администрацию».

4.5. Институциональное измерение: документы, протоколы, библиотеки

Независимо от поведения отдельных сотрудников, дискриминация воспроизводится на уровне административной инфраструктуры. Все шаблоны документов — заявления на свидания, передачи, перечни родственников — существуют только на русском языке. В гомельском ИВС задержанному **отказались выдать бланк протокола на белорусском языке**; в ЦИП задержанной не позволили зачитать «профилактический» текст на камеру по-беларусски: «мне сказали нет, только по-русски». В новополоцкой колонии № 1 **с осени 2023 года изъяты все книги на белорусском языке**, включая произведения Купалы, Коласа и Короткевича; мониторинг **PEN Belarus** за 2025 год фиксирует запреты на изучение языков и изъятие учебников вплоть до водворения в ШИЗО за их хранение.

Институциональный слой имеет самовоспроизводящийся характер: отсутствие белорусскоязычных форм и процедур делает использование языка «нестандартным» поведением, которое, в свою очередь, легче квалифицировать как нарушение.

4.6. Эффект запугивания и вынужденная языковая ассимиляция

Наиболее показательное системное следствие — превентивный отказ белорусскоязычных людей от родного языка при любом контакте с силовыми структурами:

«Начиная с РОВД я везде разговаривал по-русски, потому что я слышал, что к людям, которые разговаривают по-белорусски, относятся похуже».

«Я говорила с ними по-русски с первой секунды, как открыла им двери, потому что я знала, что белорусский язык — **это опасный язык для коммуникации с ними и любыми силовыми органами Беларуси**».

«Ты понимаешь, что твое общение по-беларусски с администрацией колонии может вызвать огонь на тебя. [...] Видел ситуации, когда это вызывало, мягко говоря, определенное раздражение».

Меркис описывает ту же стратегию: *«Размаўляць па-беларуску ў калоніі [...] — нагода прыцягнуць вельмі шмат непатрэбнай увагі. [...] Таму давялося перайсці на расейскую. [...] У мяне яшчэ вельмі доўгі перыяд была ломка і праскоквалі беларусізмы» («Весна»/Zerkalo).*

Политзаключенный колонии № 15 **объяснял отказ от языка** угрозой статьи 411 УК (механизм продления сроков за «злостное неповиновение»): *«побоялся подпасть под статью 411 ук и получить в плечи еще год или годы... возможно, я и не перешел бы на чужой язык, если бы не знал, что скорее всего за язык был убит Витольд Ашурок».*

Механизм работает без прямого принуждения в каждом отдельном случае: достаточно нескольких показательных наказаний и циркуляции информации о них, чтобы отказ от языка стал массовой стратегией выживания. Свидетельства фиксируют и психологическую цену этой стратегии — от «ломки» при переходе на неродной язык до эпизода, когда первое письмо домой, написанное по-русски, семья восприняла как сигнал бедствия: *«это письмо не на родном языке больше рассказало, что со мной происходит там, чем если бы я написал его по-беларусски» («Весна»).*

4.7. Вариативность практики и ее значение

Враждебность к беларусскому языку не универсальна. Свидетель, два месяца говоривший исключительно по-беларусски в ИВС Молодечненского района, встретил лишь две мягко негативные реакции, тогда как *«один пожилой продольный даже старался почти всегда разговаривать со мной по-нашему» («Весна»);* схожий баланс — *«два случая [негатива] от персонала»* при в целом нейтральном фоне — фиксирует другой свидетель. Еще один сообщил нам, что вел повседневную жизнь и переписку (проходившую цензуру) по-беларусски, не встречая формальных препятствий.

Отношение сокамерников в большинстве свидетельств описывается как нейтральное или подчеркнуто доброжелательное; в СИЗО № 1 заключенные **проводили «дни беларусского языка»**, *«когда со всеми сокамерниками разговаривали по-белорусски. Много людей позитивно относились к этому».* Один из свидетелей резюмирует: *«проблемы появляются от того, что ты в принципе политический, а от того, что по-беларуски разговариваешь, уже не добавляется ничего».*

Для анализа эта вариативность существенна в двух отношениях. Во-первых, она показывает, что дискриминация не предписана формальными правилами — она производится институциональной культурой и личными установками сотрудников, то есть относится к сфере фактической, а не нормативной практики государства. Во-вторых, именно непредсказуемость реакции — от доброжелательности до ШИЗО — сама по себе является фактором давления: заключенный не может знать заранее, чем обернется использование родного языка, и рационально выбирает отказ от него.

5. ПОГИБШИЕ В ЗАКЛЮЧЕНИИ: ВИТОЛЬД АШУРОК И АЛЕСЬ ПУШКИН

Витольд Ашурок **погиб в шкловской колонии № 17 в мае 2021 года**; официально объявленная причина — «остановка сердца». Бывший политзаключенный **Вадим Хижняков** **свидетельствовал**: «Как я слышал, он начал принципиально разговаривать с администрацией по-беларусски. А они заставляли его говорить по-русски. Он говорит: „Государственный язык беларусский, и я буду по-беларусски говорить“. Возможно, за такую его позицию [избивали]».

Беларусскоязычный художник Алесь Пушкин умер в заключении в июле 2023 года после неоказания своевременной медицинской помощи. **PEN Belarus** относит обоих к случаям усиленного давления, связанного в том числе с принципиальным использованием беларусского языка. Обстоятельства обеих смертей не были предметом независимого расследования.

6. ДИНАМИКА 2020–2026 И ПОЗИЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Сопоставление свидетельств по времени позволяет выделить три фазы.

- В **2020–2021 годах** доминируют спонтанные реакции на язык в ходе массовых задержаний: избиения, угрозы, оскорбления.
- В **2022–2023 годах** практики смещаются в пенитенциарную систему и приобретают дисциплинарную форму: ШИЗО за доклады, лишение свиданий, статус «злостного нарушителя», изъятие беларусскоязычных книг из библиотек.
- К **2024–2025 годам** фиксируется институционализация: профилактические учеты «склонных к экстремизму» за язык, устойчивые ограничения на беларусскоязычную литературу и обучение языкам, использование угрозы статьи 411 УК как фонового сдерживающего фактора.

Эта траектория синхронна общей политике: в тот же период школьные библиотеки очищались от «экстремистских» авторов, **сотни книг** вносились в списки «экстремистских материалов» и изданий, «способных нанести вред национальным интересам», а образовательные программы сближались с российскими.

Международные механизмы фиксировали отдельные элементы картины. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации в **заключительных замечаниях 2024 года (CERD/C/BLR/CO/24-25)** выразил обеспокоенность ограничениями образования на языках меньшинств и произвольным применением антиэкстремистского законодательства.

Спецдокладчик ООН по Беларуси посвятил доклад 2026 года нарушениям культурных прав, включая ограничения на использование белорусского языка и жестокое обращение с заключенными. Вместе с тем языковая дискриминация именно в местах несвободы до настоящего времени не выделялась международными механизмами в самостоятельный предмет анализа; настоящий материал систематизирует имеющуюся эмпирику по этому сегменту.

7. ФУНКЦИИ ДИСКРИМИНАЦИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Совокупность данных позволяет предложить три взаимодополняющих объяснения устойчивости описанных практик.

Сортировочная функция.

В условиях массовых репрессий силовой системе нужны быстрые критерии выделения «политических» из общего потока задержанных и заключенных. Язык — мгновенно считываемый и трудно скрываемый признак: он «маркирует» человека раньше, чем изучено его дело.

Дисциплинирующая функция.

Наказание за язык — это наказание за неподчинение в его наиболее наглядной форме. Требование «говорить нормально» является требованием демонстративной лояльности; отказ от родного языка под давлением — видимый акт подчинения, а публичные унижения белорусскоязычных адресованы всем свидетелям сцены.

Идеологическая функция.

Практики в местах несвободы воспроизводят в концентрированном виде общегосударственную политику вытеснения белорусского языка и русификации публичной сферы, описанную Спецдокладчиком ООН. Сотрудники действуют в русле сигналов, поступающих из официального дискурса, где белорусскоязычность ассоциирована с «экстремизмом»; отсутствие каких-либо дисциплинарных последствий для сотрудников за языковую агрессию закрепляет норму.

8. ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Задokumentированные практики могут быть квалифицированы следующим образом.

Дискриминация по признаку языка и этнической принадлежности.

Беларусский язык является конститутивным выражением белорусской этнокультурной идентичности; систематически худшее обращение с его носителями составляет дискриминацию, запрещенную статьями 2 и 26 МПГП, и нетерпимость по признаку этнического происхождения по смыслу статьи 1 МКЛРД.

Жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

Избиения за отказ говорить по-русски, публичные унижения, водворение в ШИЗО и лишение контактов с семьей за доклад на родном языке — с учетом уязвимого положения заключенного — подпадают под запреты статьи 7 МПГПП и Конвенции против пыток и противоречат правилам 2, 41 и 43 [Правил Нельсона Манделы](#).

Нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

Отказ вести процесс на государственном языке обвиняемого и фиксация показаний в неverified переводе затрагивают гарантии статьи 14 МПГПП и национального процессуального законодательства.

Нарушение национального права.

Каждая из описанных практик противоречит статьям 17 и 50 Конституции, Закону «О языках» и статье 10 УИК Республики Беларусь.

Поскольку описанные деяния совершаются агентами государства при исполнении полномочий и носят воспроизводимый характер, ответственность за них несет государство. В контексте квалификации репрессий в Беларуси как возможных преступлений против человечности языковой признак имеет доказательственное значение: он документирует дискриминационное намерение — элемент преступления преследования по политическим и этнокультурным мотивам.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискриминация по признаку языка в местах несвободы Беларуси представляет собой не сумму эксцессов, а закономерную проекцию государственной языковой и репрессивной политики после 2020 года на закрытые учреждения — среду, где асимметрия власти максимальна, а внешний контроль отсутствует. Язык выполняет для силовой системы функции маркера «политических», инструмента дисциплинирования и проводника идеологической русификации.

Основным совокупным результатом является принудительная языковая ассимиляция: рационально действующий белорусскоязычный заключенный отказывается от родного языка, поскольку издержки его использования непредсказуемы и потенциально включают насилие, карцер и новые уголовные дела.

Одновременно материалы фиксируют встречный процесс: для части заключенных белорусский язык стал практикой сохранения достоинства и солидарности — «символом сопротивления», по выражению одного из свидетелей. Устойчивость обеих тенденций делает языковое измерение обязательным элементом дальнейшего документирования условий содержания в Беларуси, оценки жестокого обращения и анализа репрессий в категориях международного уголовного права.

